

1

Им было тесно в этой маленькой подсобке, пятерым мрачным мужчинам. Форменные тулупы делали их еще крупнее и неповоротливее. Лежащий на замшевых плечах, на сапогах и шапках снег еще не успел растаять.

— Это? — спросил старший группы, оглянувшись к полуоткрытой хлипкой двери.

Бледная официантка кивнула.

Хотя чего там спрашивать. Ясно ведь, что именно «это». «Это» лежит на полу в луже крови. «Это» вызовет кучу вопросов, требующих ответа: что да как, да почему умер.

Хорошо бы несчастный случай...

В полутемном углу помещения возле картонных ящиков и мешков лежал лицом вниз парень в джинсовой куртке. Бармен кофейни, как сообщила официантка. Хорошо, что она не визжит, не болтает без умолку в истерике. Правда, истерика у свидетелей выражается порой и так, как у нее сейчас: молчит и тупо кивает. Ну, молчи-молчи, потом все расскажешь.

— Гляди, Михалыч, — обратился к старшему один из приехавших. — Видишь? Сколько стекла на полу.

— Разбил бутылку? — тут же включился еще один.

Они присмотрелись. Везде на полу были осколки, особенно много возле трупa. Посверкивало стекло и из черной лужи.

— Да тут не одну бутылку раскоцали, — сказал Михалыч. Он вздохнул с облегчением. — Наверное, взял пару ликеров с полки, поскользнулся и...

Мужчины зашевелились, затоптались на месте. Кто-то подхватил намек старшего: ну да! Конечно, поскользнулся и грохнулся, осколками стекла перерезал какую-то важную артерию... Бывает, случается, осторожнее надо быть, спаси нас всех и сохрани Матерь Божья!..

— Значит, не криминальный, — подвел черту кто-то.

— Ага, видно же, — кивнул самый молодой мент, усатый, с сумкой на плече.

Только один из них ничего не говорил — пожилой, с седоватой щетиной на небритых щеках. Он стоял и спокойно, даже равнодушно ждал, когда его коллеги закончат обычную трепотню. «Казалось бы, — думал он, — столько всего уже навидались, и грязи и крови, а вот ведь... Всегда они, приезжая на место происшествия, начинают с разговоров. Защитная реакция психики, знакомое дело. Пусть болтают, но я-то вижу — все тут у нас совсем не так. Не мог погибший так порезаться осколками стекла. Опыт подсказывает — не мог. Но если ребята настроены спихнуть это дело со своей шеи как несчастный случай, не буду я им мешать. Себе дороже. Устали бойцы, замерзли, хотят скорее дежурить — и домой. Не буду лезть и вызывать огонь на себя. А там пусть оно само как-нибудь... Не в первый раз...»

— Пойдем покурим? — Двое ментов протиснулись в дверь подсобки и вышли.

Старший группы сказал, обращаясь к пожилому:

— Давай, Вадимыч, как всегда. Порядок есть порядок. — И он тоже вышел.

В помещении остались только двое: небритый эксперт и молодой. Усач снял с плеча сумку и поставил на пол, из нее достал резиновые перчатки, бумажные конвертики, полиэтиленовые мешочки и папку с бумажными листами для протокола.

Кряхтя, пожилой Вадимыч опустил на корточки и принялся осматривать труп. Он мычал себе под нос и покашливал:

— Ага... Кхм... Угу... Кхе-кхе... Ткани восковые... Полная обескровленность, так... Вся кровь, что на полу, из сонной артерии. Пишешь?..

— Ага, — вздохнул молодой помощник, черкая ручкой по бумаге. — Разрезал стеклом, такая уж у него судьба. Эксперт покосился на него. Помолчал.

— Нет, — произнес он, поколебавшись. Говорить или нет? Надо... — Может, и судьба. Но не стеклом.

— А? Что ты сказал, Вадимыч?

— Я говорю, не стеклом это.

Наступило молчание. Сквозь небольшое пыльное окно с заклеенными бумагой рамами слышалось завывание ветра. Снег шелестел, натываясь на стекло. Будто крупы сыпали и сыпали на расстеленную газету.

— То есть как? — спросил молодой, качнув обвисшими усами а-ля запорожец с картины Репина. — Как не стеклом? А чем?

Снова тишина, только снежная крупа шуршала по стеклу и слышны были негромкие голоса курящих милиционеров.

— А вот так, — вздохнул эксперт. — Чем... Не знаю чем. Сонная артерия у нашего бывшего бармена, а сейчас трупа, разорвана.

— То есть как? — тупо повторил усатый.

Эксперт пожал плечом:

— Стась, дружок, ты мне на слово не веришь? Ну подойди, полюбуйся лоскутами кожи. Вот, приподнимаю специально для тебя.

— Не надо, верю, — торопливо сказал Стась. — Это я так...

— Ну а если так, то молчи и записывай.

— Но как же, ведь стеклом артерию не разорвешь... Или можно?

— Не встречал такого, — хмуро ответил пожилой Вадимыч. — Вернее, видел, но не в подобных случаях. В автокатастрофах, дорожно-транспортных происшествиях всяких... Ткани рвутся как угодно. Но не здесь и не так. Не в тихой кладовке на полу. Ладно, давай пиши. Диктую: смерть наступила примерно тринадцать часов назад...

И они занялись своей обычной работой. Никто им не мешал, только снег время от времени очень уж сильными пригоршнями сыпал свою крупу в барабан стекла, и тогда оба милиционера косились вверх — на метель, на ночь, на зимнюю погоду в ноябре... И вновь эксперт продолжал диктовать, а молодой записывать.

— Ну что, закончили? — спросил старший группы, заглядывая в подсобку. За ним стояли остальные двое. — Едем? Официантку позже допросим. Поздно уже.

Эксперт молча кивнул на протокол в руках у Стася. Не хотелось ему ничего говорить вслух. Молодой милиционер протянул старшему листки.

— Что еще... — сказал тот и принялся читать, поднеся бумагу поближе к лампочке на стене. — Так... Совокупность свойств... местоположение... замкнутость пространства... Ага! Надо допросить официантку, почему вызвала милицию лишь поздно вечером. Парень-то, получается, утром помер? Во время открытия заведения, выходит... И весь день пролежал.

— Ты дальше читай, — сказал эксперт.

— Что?! — Старший наконец дочитал до нужного места, нахмурился, глянул на эксперта, потом снова в записи. — Хрень какая-то! — Он протянул листки назад, остальным. — Вы такое видели?

— То есть как? — спросили они одновременно, едва лишь пробежали глазами первый листок.

— Спросите у него, — с досадой кивнул старший на эксперта.

— А что я? — повысил голос Вадимыч. — Мое дело дать криминалистическую характеристику, будто ты этого не знаешь. А уж выводы, прошу панство, извольте делать сами.

Он почесал небритый седой подбородок и с неохотой принялся им объяснять. Про лохмотья кожи, каких не бывает при порезах стеклом. Про специфические повреждения подкожных тканей. Про то, что бутылки разбиты при падении, причем пустые бутылки: никаких других жидкостей, кроме крови, на полу нет.

Его слушали в тяжелом мрачном молчании, осмысливая, как им не повезло. Три первые типовые версии, которые сразу рассматриваются при обнаружении трупа, версии, на которые они так надеялись, — смерть от естественных причин, несчастный случай, самоубийство — сюда не подходили. Оставалась четвертая: убийство. Неужели придется это признать?

— Ну, не знаю, не знаю, — процедил старший. — В конце концов, чем же так можно разодрать шею?

Эксперт отвернулся. Вот оно, самое непонятное.

— Инструментик странный, — вполголоса сказал он. — Похоже на зубы...

— Мать Пресвятая Богородица... — перекрестился молодой Стась.

А старший грубо рявкнул:

— Ты что, старый, очумел?

— Так иди сам и смотри! — Эксперт пальцами в резиновых хирургических перчатках раскрыл края раны. — Вот. Две четкие борозды, как от клыков.

Старший сделал шаг вперед. Остальные, следуя примеру молодого, перекрестились.

— Кроме того, по следовой картине, — сказал эксперт. — С потеками на полу потом подробнее разберусь. Но смотри: книга. Не знаю, может, она тут оказалась не случайно и пригодится вам для дальнейшей работы. Лежала на трупе, видимо, соскользнула сюда, в сторону. Край обложки в крови.

«Еще и книга, — подумали сотрудники милиции. — При чем тут книга?»

— Ну и что означает эта книга? — спросил как бы в пространство Михалыч, озвучивая повисший вопрос.

— А хрен его знает, — грубо плюнул один из ментов.

Капитан, старший группы, и без того был раздражен, видя, что никак не удастся повернуть гибель бармена в сторону несчастного случая. Поэтому он коротко приказал грубияну:

— Вот ты и будешь выяснять про книгу.

Тот снова плюнул, на этот раз молча. Черт за язык дернул!.. Теперь рой землю понапрасну. Мало ли почему на трупе книга? Да может, и не его это книга вовсе, не трупа. Может, упала откуда-нибудь... Он посмотрел вверх, на полки, заставленные бутылками и разрисованными рекламой коробками. Ну да, поставили книгу среди вон тех пакетов с кофейными зернами, оттуда она и свалилась... Тут у него захрипело, неразборчиво загундосило в груди, он расстегнул толстый тулуп и вытащил рацию. Отошел в сторону и принялся там с ней разговаривать, поминутно вскрикивая: «Повторите, не понял!»